

XXXVII г.

№ 36

Выданъ 9-го сентября 1906 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 7.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ **40 книгъ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: остальныхъ 30 книгъ полн. собр. сочиненій и первыхъ 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Безъ достав-ки въ Петербургъ...

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рательевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-кою въ Петербургъ...

7 р. 50 н.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи...

8 р. 34 гра. 12 р.

Министръ народнаго просвѣщенія.

(Изъ записной книжки).

А. Круглова.

(Окончаніе).

VI.

Я рѣшилъ завернуть къ „министру“. Но онъ попался намъ навстрѣчу. Онъ ѣхалъ въ широкихъ розвальняхъ, примостясь на облучкѣ, а на клади, зашитой въ рогожу, сидѣла Соболева.

— Куда вы? — окликнула она меня.

Чубаевъ остановилъ лошадь. Я подошелъ къ

— Куда вы? — повторила учительница, здороваясь со мной.

— Въ Питеръ. Хотѣлъ вотъ къ вамъ заѣхать, — сказалъ я, пожимая корявую, жесткую руку Чубаева.

Именины дѣда. Триптикъ И. А. Владимірова, авт. «Нивы»

— Ъдемъ съ нами,—проговорила Соболева:—я покажу вамъ школу.

Я расплатился съ возницей, пересѣлъ въ чубаевскія розвальни, и мы поѣхали.

— Мало же вы погостили,—сказалъ Чубаевъ.—Я еще думалъ застать васъ у брата.

— Чтò же мнѣ безъ хозяина гостить!—отвѣтилъ я и рассказалъ, въ чемъ дѣло.

— Вотъ неудачно-то пріѣхали,—замѣтилъ Чубаевъ:—и у него дѣло такое, и у меня другъ померъ, тамъ я все... на нѣсколько часовъ вотъ только вырвался провѣдать домъ и вотъ опять туда... по пути только захватить это...

— А чтò вы везете?

— Это кровати да столъ,—отвѣтила за Чубаева учительница.—Вѣдь при школѣ у насъ въ родѣ общежитія, для дальнихъ.

Школа помѣщалась въ одноэтажномъ, но хорошемъ снаружи домѣ съ мезониномъ. Когда мы остановились у воротъ, на улицу выскочило четверо ребятъ.

— Кровати! Да? Мы вынесемъ!—закричали они.

— Куда вамъ... Луку позовите!—сказалъ Чубаевъ.

— О-о!—воскликнулъ одинъ изъ мальчиковъ, тряхнувъ кудрявой головой:—а мы нешто не сможемъ? Ребята, бери!

Они мигомъ сняли съ розвальней кровати и понесли ихъ въ школу.

— За столомъ мы сейчасъ придемъ!—крикнулъ кудряшъ, оборачиваясь на ходу.

— Вотъ они какіе у насъ,—довольнымъ тономъ произнесъ Чубаевъ.—Видать сразу, что учительница не строжить и не бьетъ.

— Добавьте,—прибавила, смѣясь, Соболева:—попечитель ихъ балуетъ!

— Но не портить, потому что собственно это не баловство. Нужна нравственная дисциплина, но дрессировка—преступленіе. У насъ какъ разъ наоборотъ: мы любимъ дрессировку, оттого столько труповъ и жизнь похожа на кладбище.

Сторожъ Лука вышелъ и хотѣлъ нести столъ, но ребята не позволили и чуть не свалили шута сторожа въ снѣгъ.

— Будетъ вамъ, озорники!—заворчалъ старикъ.—Вицей бы васъ, право!

— А ты не суйся: намъ это, мы и снесемъ! Ну, бери!—опять скомандовалъ кудряшъ:—только въ воротахъ тише, не задѣньте ножками!

— Славные ребята!—сказалъ я, любуясь „маленькимъ народомъ“.

На строгомъ лицѣ Чубаева свѣтилась счастливая улыбка.

— Да,—согласился онъ:—и вотъ отъ школы, отъ учителей зависить, куда ихъ направить: на прямую дорогу или на косыя тропинки. И надо создавать условія, чтобы жизнь потомъ не заглушала школьные посявы и не портила дрессировкой, какъ собакъ. Ну, Татьяна Романовна, прощайте!—круто закончилъ Чубаевъ.

— Напейтесь у меня чаю, Дмитрій Прохоровичъ, и съ товарищемъ вашимъ!

— Спасибо, спѣшу... Тамъ меня ждуть.

Онъ протянулъ мнѣ руку и добавилъ:

— Такъ вышло... На обратномъ пути заверните... если невдолгѣ, буду дома, а то опять на земское собраніе укачу. Во всякомъ случаѣ очень радъ, что встрѣтились. Сколько вѣдь лѣтъ прошло! Желаю вамъ успѣха въ работѣ и буду ждать книжекъ для ребятъ.

— Непремѣнно!

Онъ поѣхалъ къ Сатину, а мы отправились въ школу. Въ комнатѣ учительницы, которая жила при школѣ, скоро появился самоваръ. Надъ нами слышался топотъ нѣсколькихъ паръ ногъ.

— Тамъ наше общежитіе, — сказала Соболева, заваривая чай.

— Вамъ безпокойно, пожалуй?

— Ничего, привыкла. Внизу нѣтъ мѣста. Если бы я туда перешла, такъ тамъ три комнаты, а здѣсь одна. Мнѣ тамъ много, имъ здѣсь мало. Да я остановлю ихъ, они и утихнутъ. Бойкіе, но послушные... понимаютъ доводы. Убѣгутъ на улицу и тамъ возьмется... Лука!—кликнула Соболева.

Явился сторожъ.

— Спроси ребятъ: кто хочетъ чаю?

— Губа не дура... кто откажется!

— Такъ заварите имъ чаю... еще есть?

— Много...

— Сколько же у васъ всѣхъ жильцовъ, Татьяна Романовна?

— Теперь восемь... число колеблется и отъ погоды, и отъ того, кого больше: здѣшнихъ или дальнихъ. А потеплѣетъ—многіе на недѣлѣ урвутся домой... а потомъ опять здѣсь ночуютъ... И у себя-то хочется пожить, и ходить-то далеко, и вѣда-то здѣсь лучше.

— На счетъ Чубаева все?

— Да. И здѣшніе получаютъ въ полдень завтракъ. Вѣдь и одежду многимъ онъ справляетъ... Онъ говоритъ: „это моя семья“. Такъ оно и есть. Жаль, что онъ не зашелъ ко мнѣ: вы увидѣли бы, какъ онъ разговариваетъ съ дѣтьми. Они его не оставили бы въ покоѣ. Если бы они знали, что онъ не зайдетъ, они выскочили бы къ нему.

Раздался легкій стукъ въ дверь.

— Войдите, кто тамъ?

— Это я, Татьяна Романовна.

— А, отецъ дьяконъ! Милости просимъ...

Въ комнату вошелъ худощавый высокій человѣкъ въ подрясникѣ и въ валенцахъ. Нервное и блѣдное лицо освѣщалось выразительными карими глазами. Отъ всей подвижной фигуры дьякона вѣяло стремительностью и энергіей. Онъ съ необыкновенной простотой поздоровался со мной, словно давно зналъ меня, и заговорилъ быстро, съ акцентомъ сѣверянина, пощипывая рѣденькую бородку:

— Знаете, надо усилить хоръ, привлечь больше молодежи, и потомъ я хочу разорить попечителя: пусть купитъ фисгармонію. Мы поставимъ дѣло шире. Чтенія-то чтеніями, а тутъ пѣніе, концерты... Это чудесно.

— Вотъ, рекомендую вамъ,—съ улыбкой обратилась ко мнѣ Соболева, кивая въ сторону дьякона:—самый энергичный помощникъ нашего министра народнаго просвѣщенія.

Дьяконъ выразилъ на своемъ худощавомъ лицѣ полное удивленіе.

— Какого министра?

— Ха-ха-ха! Это Чубаева.

Она разъяснила недоумѣніе гостя.

Дьяконъ взмахнулъ длинными руками и съ восторгомъ воскликнулъ:

— Вѣрно, вѣрно! Настоящій министр! Говорю вамъ, если онъ проживетъ еще лѣтъ десять, у насъ все пройдетъ школу... да! Такъ онъ вашъ товарищъ? Вотъ какъ! Ахъ, чтò за человѣкъ!

— Вы отъ него въ восхищеніи прямо?

— Истинно такъ! Я сюда какъ пріѣхалъ да узналъ его—возликовалъ! Вѣдь мы объ этомъ въ семинаріи еще мечтали... кружкомъ своимъ...

— И стали ему помогать?

— Какъ только могъ! Нашъ пастыръ, надо сказать правду, немножко... тяжелъ на подъемъ... да и старъ... Я и взялся за него учить...

— А деньги?

— Онъ беретъ... Я не гонюсь... пока силы есть... вѣдь съ такимъ-то, какъ вашъ товарищъ, и работать хорошо. Люблю я школьное дѣло. Пока поработаю, а тамъ кто знаетъ! Нужда можетъ заставить и въ городъ про- ситься...

— Только нужда?

— Только! Люблю деревню! Да и много здѣсь работы. Вѣдь наша деревня прямо сирота. Тьма египетская! И дѣти, и звѣри—все, что хотите! Какъ дѣтей, ихъ можно обойти, и какъ звѣрей—раздражить. Вѣдь сколько времени Русь крестилась, а развѣ она просвѣщена Христовымъ свѣтомъ? Языческая тьма! Вѣрите мнѣ, какъ духовное лицо говорю. Вотъ вамъ примѣръ: одинъ помѣщикъ, испытывая, спрашиваетъ старика, всѣми уважаемаго въ деревнѣ: „а что, Савелій Ивановичъ, если Богъ-то Саваоѣ почтѣтъ, кто вмѣсто него будетъ Богомъ?“ И старикъ, наморщивъ лобъ, отвѣтилъ: „да кому же больше, какъ не Миколѣ-батюшкѣ: онъ старшой...“ Вотъ вамъ! Развѣ не тьма? А кто свѣтъ-то несетъ? Чубаевы-то единицы... да, правду сказать, я перваго такого вижу.

— Пейте чай-то, а то простынетъ, — напомнила учительница.

— Выпью... Я сегодня только и дѣлаю, что чай пью... А я, Татьяна Романовна, послалъ деньги въ редакцію „Отдыхъ Христіанина“. Чудный журналъ для деревни! Да и для образованныхъ-то не лишній... Вѣдь я знаю и отца Рождественскаго... Былъ у него въ Петербургѣ. Живая душа! Въ первый разъ увидалъ меня, и мы чуть не часъ бесѣдовали... Что за сердце! Весь живетъ чужой жизнью... это пастырѣ!

— Вы по духу братья,—замѣтила учительница.

— Полно вамъ... я убѣгу, если такъ... стыдно!

— А вы близко сошлись съ Чубаевымъ?—спросилъ я.

— Очень... То-есть, видите, онъ не изъ такихъ, чтобы...

— Мнѣ показалось, что онъ сухой, но вотъ Татьяна Романовна говоритъ, что нѣтъ.

— Онъ не сухой въ душѣ... Онъ спрятался въ себѣ, если такъ можно сказать. Я самъ его сперва долго сухимъ считалъ, да въ одинъ вечеръ понялъ, что ошибаюсь... Вы были у него?

— Былъ.

— Въ комнатѣ его покойной матери не были?

— Нѣтъ. Я спросилъ: что тамъ?—такъ онъ ничего не отвѣтилъ.

— Никому не показываетъ... А я попалъ случайно. Слушайте... Расскажу вамъ, какъ это вышло.

Дьяконъ отхлебнулъ чаю и продолжалъ:

— Сидѣлъ я какъ-то вечеромъ у него. Говорили о живописи, перешли на изображеніе Христа. Я и сказалъ: „До сихъ поръ не видалъ такого лика, чтобы онъ меня поразилъ. Что-то не то... хорошъ у Макса, хорошъ у нашего Макарова... и все что-то не то... не поражаетъ“. Чубаевъ посмотрѣлъ на меня и промолвилъ: „А я знаю такое изображеніе Христа, которое бы васъ поразило“. Я спрашиваю: „Кого?“—„Художникъ неизвѣстенъ“. — Я ему: „Если бы могъ я увидѣть!“ Чубаевъ какъ бы пропустилъ мои слова мимо ушей и заговорилъ о другомъ. Говорить и на меня пристально смотреть, и словно съ чѣмъ-то внутренне борется. Среди разговора я опять спросилъ: „А гдѣ вы видѣли такое изображеніе?“ Онъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Сталъ я собираться домой. Прощаюсь. А онъ вдругъ и говоритъ: „Очень бы вамъ хотѣлось такой ликъ Христа увидѣть?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Хорошо, я вамъ покажу... идемъ!“ И онъ повелъ меня въ покои своей умершей матери. Когда мы вошли, онъ сказалъ: „Здѣсь жила и скончалась моя матушка“. При этихъ словахъ его голосъ дрогнулъ, и все сухое, рѣзкое какъ бы пропало въ немъ. Покойная занимала собственно одну комнату, потому что первая скорѣе прихожая. Въ комнатѣ два окна. Они были завѣшаны. Въ переднемъ углу стоялъ высокій кіотъ краснаго дерева, и передъ нимъ теплилась большая церковная лампадка. Кромѣ лампы, комната ничѣмъ не освѣщалась. Было сумрачно-свѣтло, если можно такъ выразиться. Какой-то свѣтлый полумракъ. Тишина нарушалась только стукомъ маятника старинныхъ часовъ въ футлярѣ. Не знаю, почему ужъ, оттого ли, что вся обстановка напомнила мнѣ что-то

изъ далекаго дѣтства, или таинственность, съ которой велъ меня показывать комнату Чубаевъ, — но во мнѣ пробудилось какое-то особенное чувство: словно я вошелъ не въ комнату обыкновеннаго человѣка, а въ жилище историческаго дѣятеля или, скорѣе, человѣка духовнаго подвига... На столѣ лежалъ недовязанный чулокъ, на спинкахъ и съ клубкомъ. Это, какъ узналъ я потомъ, неоконченная работа матери: она такъ и оставлена и хранится, какъ святыня. Ну, вотъ. А рядомъ съ кіотомъ на стѣнѣ висѣла картина, освѣщаемая свѣтомъ лампы.

— Глядите,—шопотомъ, но громкимъ и выразительнымъ, произнесъ Чубаевъ, показывая на картину.

„Я впился въ нее взглядомъ. Христосъ сидѣлъ на уступѣ скалы. Сразу и Его фигура и ликъ вырисовывались неясно. Но черезъ мигъ уже все выпукло стояло передъ вами. Христосъ сидѣлъ, чуть-чуть наклонясь, и глядѣлъ впередъ, какъ бы въ пространство, на весь міръ и въ то же время на васъ. И что-то скорбное виднѣлось во всей фигурѣ, въ лицѣ, въ глазахъ. Это не тоска и не скорбь человѣка, а высшая скорбь и человека и Бога, именно Богочеловѣка. И не скорбь только, а и любовь безграничная, состраданіе къ тому, кто и близко, и вызываетъ своимъ несчастьемъ жалость. Такъ бы смотрѣлъ отецъ на горячо любимаго сына, передъ нимъ виновнаго, но несчастнаго и жалкаго въ своей невольной винѣ, въ своемъ заблужденіи. Да, да, и знаете: вся фигура, ликъ не поражали такъ, какъ глаза Спасителя, ихъ выраженіе. Такихъ глазъ, такого выраженія ихъ я не видалъ ни у одного Христа человѣческой работы. Я чувствовалъ, что въ этомъ взглядѣ скорбь и любовь не ко мнѣ, не къ кому либо другому только, а ко всему міру, ко всему человечеству... Собственно я, какъ одинъ человѣкъ, для Него пропадалъ, и существовало для Него только горе всего міра, грѣхъ котораго Онъ пришелъ взять на Себя. Но, когда я вглядывался пристально, мнѣ вдругъ ясно становилось, что Ему и моя личная маленькая скорбь понятна и близка. Онъ смотрѣлъ на меня такими благостно-сострадательными глазами, что прожигалъ всю мою душу и какъ бы говорилъ своимъ божественнымъ взглядомъ: „Не падай духомъ, ты не одинъ. Я всегда съ тобой! Я вижу всѣ тайны твоего сердца, всѣ муки его... приди ко мнѣ... Я исцѣлю твои раны!“ Я передвинулся... Глаза Христа опять смотрѣли на меня... И откуда бы я ни глядѣлъ на Него—глаза Его были устремлены на меня. Они прямо жгли душу и въ то же время наполняли ее какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. Сильное волненіе охватило меня. Я не выдержалъ и опустился на колѣни. Вся моя душа какъ бы раскрылась... И я скажу: въ эти минуты я молился такъ... безъ всякихъ словъ, внутренне душой, — какъ никогда въ жизни. Не помню, сколько времени прошло, но, когда я очнулся, всталъ съ колѣнъ, все лицо мое было мокро отъ слезъ, а Чубаева я увидѣлъ сидѣвшимъ на стулѣ, съ глазами, устремленными тоже на Христа. Я не узналъ Дмитрія Прохоровича. Это былъ другой человѣкъ... Его глаза были тоже влажны, а лицо все преобразилось: появились иныя черты—мягкія такія... словно онъ и помолодѣлъ, и просвѣтлѣлъ. Что-то умленное, нѣжное виднѣлось въ лицѣ. Мнѣ казалось, что его губы что-то шептали... Можетъ-быть, мнѣ это только показалось... Онъ всталъ и голосомъ, советомъ не похожимъ на его обычный голосъ, какъ-то торжественновосторженно спросилъ:

„— Что: правъ я?“

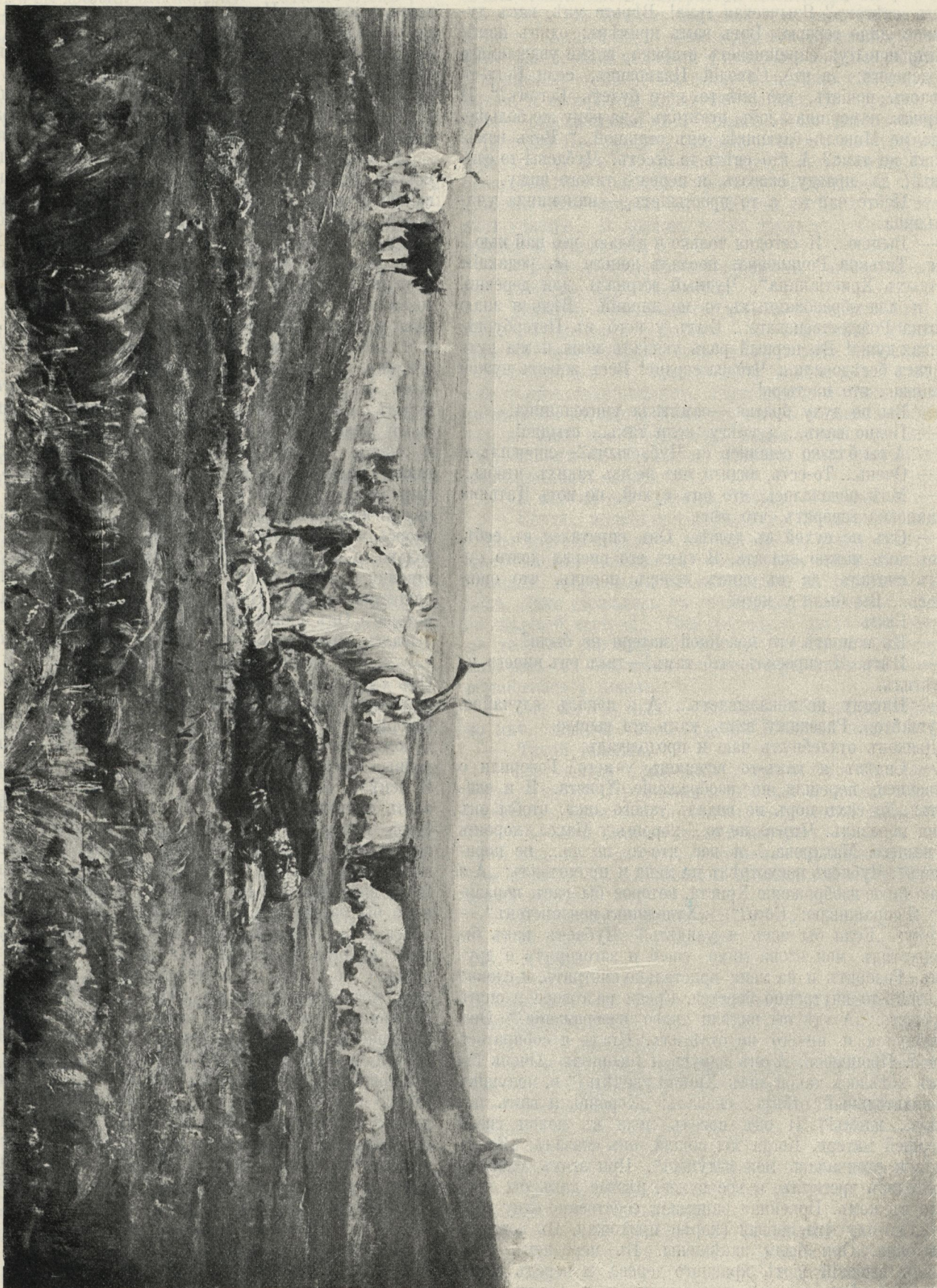
„— Правы,—говорю.“

„— Вы молились?“

„— Да.“

„— И я молюсь здѣсь,—сказалъ онъ уже едва слышнымъ шопотомъ:—только здѣсь могу молиться, какъ надо. Здѣсь молилась моя матушка, и теперь, когда я молюсь, она молится здѣсь со мной, я чувствую. Она говорила мнѣ: „У Него все получишь, проси, зови, стучись... и

Пора Домой. Картина И. И. Крылова, авт. «Нивы».

Гроза идетъ. Картина Р. А. Бергольца, арт. «Нивы».

получишь: и вѣру, и силу на все“. Я молюсь и получаю. Когда мнѣ тяжело, когда я слабѣю, я здѣсь ищу опоры.

„И вдругъ у него изъ глазъ побѣжали слезы. Онъ отеръ ихъ и проговорилъ быстро: „Идемъ!“ Я на ходу спросилъ: „Гдѣ вы достали эти картину?“ — „Не я — отецъ“, — отвѣтилъ Дмитрій Прохоровичъ, бросая какой-то, право, не подберу и названія... ну, какой-то широко-обхватывающій все взглядъ, прощаясь съ комнатою и со всѣмъ въ ней, какъ съ чѣмъ-то живымъ и чувствующимъ... Когда онъ заперъ дверь и подаль мнѣ руку, уже недавняго Чубаева не было: передо мной опять стоялъ всегдашній Дмитрій Прохоровичъ, по внѣшности сухой, нѣсколько угрюмый, весь ушедшій въ себя. И мнѣ почувствовалось, что онъ былъ недоволенъ, что показалъ мнѣ свою святыню, свою тайну. И, знаете, послѣ этого вечера онъ больше недѣли избѣгалъ меня. Я понялъ это и до сихъ поръ не рѣшаюсь ему напомнить о томъ вечерѣ. Прямо боюсь, но теперь я знаю настоящаго Чубаева... и не считаю его сухимъ, черствымъ... Такимъ онъ только кажется“.

На мгновеніе воцарилось молчаніе. Его прервала учительница.

— Да, онъ очень сердечный, — сказала она. — Я это поняла еще до вашего разсказа, но онъ словно стыдится выказать это или... какъ бы боится почему-то.

— Нѣтъ, просто такая натура, — промолвилъ дьяконъ, допивая чай: — есть такіе... какъ и наоборотъ: мягко стелютъ, да жестко спятъ... А Дмитрій Прохоровичъ жестко стелеть, а спать мягко. По-моему, это лучше. И смотрите: ребята сумѣли понять его... хотя, правда, онъ съ ними не тотъ, какъ обыкновенно... А вообще... это чудный человѣкъ, и деревня ему должна быть очень благодарна. Говорятъ: мало такихъ... Гдѣ ужъ такихъ! Хорошо, если бы другіе понемножку его дѣло дѣлали, по частичкамъ: кто что-нибудь... И какъ бы деревня измѣнилась! А то что? Никому нѣтъ дѣла, всѣ ушли въ свои интересы, а мы — правду надо говорить, — мы, духовные — первые. Вотъ и сиротѣть деревня и тонетъ во мракѣ. Эхъ!

Онъ поднялся и, поправляя свои длинные, нѣсколько рыжеватые волосы, обратился къ учительницѣ уже другимъ тономъ:

— Я вѣдь къ вамъ съ лукавой просьбой, Татьяна Романовна.

— Съ какой?

— Завтра займитесь за меня съ ребятами по закону Божію. Я ѣду къ отцу Михаилу въ Хорошее село... Матушка именинница. Кстати и фисгармонію у него испробую. Онъ продаетъ ее по сходной цѣнѣ. Нашъ пастыръ что-то на горло жалуется, такъ ужъ я его и не тревожу, да и вы лучше его справитесь. Такъ ладно?

— Хорошо. И это вся лукавая ваша просьба? — съ улыбкой спросила двушка.

— Вся! Ну, затѣмъ до свиданія. Я сейчасъ и отправляюсь...

Тутъ я спохватился, что разсчиталъ своего возницу. Какъ же ѣхать на станцію? Я высказалъ свое недоумѣніе.

— Есть о чемъ думать! Мой путь мимо же станціи... Я васъ довезу! — предложилъ дьяконъ.

— Тогда и мнѣ пора!

— Чтѣ вы! — воскликнула Соболева: — а школу-то посмотрѣть хотѣли?

— Такъ что же, — проговорилъ дьяконъ: — вы смотрите, а я домой пойду... потомъ и заѣду за вами... На осмотръ-то вамъ получаса за-глаза довольно!

Онъ отправился домой, а меня учительница повела въ классы.

Классныя комнаты обоихъ отдѣленій были свѣтлыя, высокія. Въ переднемъ углу той и другой — висѣли иконы Спасителя. Передъ ними горѣли лампы.

— Развѣ постоянно горятъ?

— Да, кромѣ ночи... Это по завѣщанію матери Дмитрія Прохоровича.

По стѣнамъ были развѣшаны хорошія карты: географическія, историческія и по естествознанію, а также портреты нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей. Въ старшемъ отдѣленіи — въ простѣнкѣ между окнами — на тумбочкѣ стоялъ бюстъ императора Александра II.

— Вотъ это Бутковъ подарилъ, — сказала Соболева. — У насъ каждый годъ девятнадцатаго февраля служатъ благодарственный молебень и панихиду по Александрѣ II, а вечеромъ — чтеніе... Къ этому празднику уже всѣ приехали, и собирается порядочно народа. На первыхъ порахъ, — разсказывали мнѣ, — вышло-было недоразумѣніе, и Дмитрію Прохоровичу пришлось ѣздить въ губернской городъ... но все уладилось и идетъ безъ помѣхъ... Въ прошломъ году праздникъ прошелъ великолепно... Нынче думаемъ пѣть отрывки изъ „Жизни за царя“. Не знаю, какъ удастся... О. дьяконъ всѣмъ орудуетъ... Онъ любитъ музыку и понимаетъ ее...

— Однако обстановка вашей школы совсѣмъ прекрасная, особенно для сельской-то...

— Дмитрій Прохоровичъ для этого не жалѣетъ денегъ... Вѣдь этотъ домъ его... Но подаренъ здѣшнему обществу для школы... подѣ этимъ только условіемъ.

Мы перешли въ библиотечную комнату, въ которой стояло нѣсколько шкаповъ. Учительница предложила мнѣ посмотрѣть каталогъ. Конечно, я могъ только пробѣжать его, но даже такой просмотръ показалъ мнѣ, что библиотека составлена обдуманно, любовно, а не изъ случайно жертвованныхъ книгъ.

— И все на его средства, Татьяна Романовна?

— Почти... помогали и помѣщички... Бутковъ, Сатинъ...

Мы еще находились въ библиотекѣ, когда сверху къ намъ начали появляться ребята. Они были въ стѣрыхъ брюкахъ, забранныхъ въ валенцы, и въ блузкахъ-рубашкахъ. Дѣти держались съ учительницей свободно, словно со старшей сестрой... Она погладила двухъ маленькихъ по головѣ, спросивъ о чемъ-то... Вошелъ бѣлокурый мальчикъ съ большими синими вдумчивыми глазами и остановился у порога.

— Чтѣ же ты, иди! — сказала Соболева и, обратясь ко мнѣ, заявила: — вотъ будущій Бѣльскій нашъ!

— Такой талантъ?

— Превосходно рисуетъ, а всего еще одиннадцать лѣтъ! Дмитрій Прохоровичъ рѣшилъ его помѣстить на свой счетъ, по окончаніи школы, въ училище живописи... Ну, чтѣ, Коля, напишешь мой портретъ?

— Напишу, — увѣренно и серьезно отвѣтилъ мальчикъ, уже подойдя къ Соболевой и прижимаясь къ ней бѣлокурой головкой.

— И Дмитрія Прохоровича?

— И дяди Дмитрія напишу!

— А ихъ?

Она указала на меня.

Мальчикъ пристально посмотрѣлъ въ мою сторону, улыбнулся и произнесъ:

— Я его не знаю!

Мы засмѣялись. Мальчикъ сконфузился и спряталъ лицо въ складкахъ платья учительницы.

— Застѣнчивъ очень! — шепнула мнѣ Соболева: — а умный... Ну, дѣти, идите на дворъ, побѣгайте... а тамъ скоро ужинъ и спать!

Ребята шумной толпой направились къ дверямъ.

— Тулупчики надѣть, такъ не выходить! — крикнула имъ вдогонку учительница.

Мы поднялись наверхъ, въ „общеежитіе“.

Совсѣмъ городской пріютъ. Кровати съ матрацами и байковыми одѣялами. По одной подушкѣ на кровати. Шкапы для бѣлья и платья.

Дѣти сами убираютъ комнаты и наблюдаютъ за одеждой, — сказала Соболева.

— Здѣсь и обѣдаютъ?

— Нѣтъ, внизу, въ комнатѣ рядомъ съ кухней. Я не водила васъ туда... ничего интереснаго.

— Ну, готовы? — раздался голос о. дьякона снизу.
— Готовы! — откликнулся я. — Прощайте, Татьяна Романовна... желаю вамъ всего хорошаго... Кто знаетъ, можетъ-быть, и свидимся... Гора съ горой... знаете...

— Конечно... Да вѣдь вы на обратномъ пути за-вернете?

— Не скажу навѣрно... Какъ дѣла... Книги вамъ свои пришло.

— Пожалуйста!

— А Бѣльскому отдѣльно.

— Вотъ спасибо! А онъ вамъ что-нибудь нарисуетъ и пришлетъ...

Мы вели этотъ разговоръ, уже спускаясь съ лѣстницы.

Черезъ три часа я мчался на скоромъ поѣздѣ въ Петербургъ. Мой спутникъ по купе — пожилой морякъ — спалъ, какъ убитый. Но мнѣ не спалось. Думы и воспоминаія мѣшали сну. Они сосредоточивались на простой, но энергичной личности „министра народнаго просвѣщенія“. Когда-то онъ меньше всѣхъ возбуждалъ интересъ къ себѣ въ нашемъ юномъ кружкѣ, и никто не говорилъ о Чубаевѣ, какъ о серьезномъ общественномъ дѣятелѣ. А между тѣмъ онъ оказался впереди всѣхъ. Маленькое дѣло! Но развѣ это такъ? Развѣ это ма-

ленькое дѣло не есть въ то же время и большое? О, какое еще большое! Какое живое и насущное! Кто изъ насъ, товарищей Чубаева, можетъ съ нимъ равняться? Не модный ли врачъ? Не знаменитый ли адвокатъ, за крупную сумму готовый защищать мошенника и вора? Или, можетъ-быть, бѣдный Поповъ, за свои наивныя мечты расплатившійся цѣной молодой жизни? Нѣтъ, никто не равенъ ему! Одни прямо стоятъ на противоположномъ концѣ отъ него, какъ жалкіе болтуны, примкнувшіе къ ликующей стаѣ „праздныхъ людей, обогряющихъ руки въ крови“, а чистый юноша Поповъ — какой свѣтъ внесъ онъ? И если кто-нибудь изъ насъ что-либо и сдѣлалъ, такъ вѣдь сколько же мы все-таки блуждали, метались на своемъ пути! А Чубаевъ шель прямо и неукоснительно къ намѣченной цѣли. Онъ сдержалъ слово и въ своемъ уголкѣ — довольно обширномъ — явился настоящимъ „министромъ народнаго просвѣщенія“. А если бы и другіе шли по его дорогѣ? Если бы и они, „хотя по частичкамъ“, выражаясь словами дьякона, дѣлали то же, что и Чубаевъ? Что было бы тогда? Прежде всего не было бы того, что есть теперь: не было бы того мрака, тѣхъ заблужденій, тѣхъ „грѣховъ“, которые такъ возможны во тьмѣ. Не сиротѣла бы деревня!

к о н е ц ъ .

Любовь. (Изъ Роберта Браунинга).

Стихотвореніе

К. Чуковского.

I.

Тамъ, гдѣ таетъ, улыбаясь, вечеръ синій,
Надъ пустыней,
Гдѣ лишь овцы, пробираясь, утомленно,
Полусонно
Колокольцами бряцаютъ, наклоняясь порою
Надъ травой, —

II.

Быль когда-то пышный городъ, — величавый,
Многоглавый, —
Многошумная столица, гдѣ палаты
Такъ богаты,
Гдѣ единый взоръ владыки былъ закономъ
Милліонамъ.

III.

Нынѣ пышною травой эти плиты
Перевиты.
Каждый камешекъ былого притаился,
Покорился, —
Спитъ, укутанный травой и цвѣтами,
Какъ коврами.

IV.

Здѣсь за славою спѣшили, убѣгали
Отъ печали
И страданіемъ томились, сладострастьемъ
Или счастьемъ,
И за деньги это счастье и печали
Продавали.

V.

Только башенка осталась, и вѣтвями,
Какъ руками,
Дубъ укрылъ ее, лаская, а въ колоннахъ,
Бастіонахъ, —
Васильки, ромашка, кашка веселятся
И толпятся.

VI.

Здѣсь когда-то проносились средь столицы
Колесницы

И, стремглавъ, круги чертили, — золотые,
Огневые, —

И король слѣдилъ за ними, и вельможи
Въ пышной ложѣ.

VII.

Но покуда, улыбаясь, вечеръ таетъ,
Умираетъ;
И, брякая бубенцами монотонно,
Полусонно,
Бродитъ стадо, облакаясь полутьмою
Надъ рѣкою;

VIII.

Знаю, дѣвушка томится, молодая,
Поджидая
На полянѣ, гдѣ сверкали колесницы
Средь столицы,
Гдѣ и я теперь блуждаю одиноко
Издалека.

IX.

Я приду... Она ни слова... Только встанетъ
И протянетъ
Руки тихія и взглянетъ, и отъ счастья
Сладострастья
Очи синія погаснутъ, и, цѣлуя,
Ихъ зажгу я.

X.

Здѣсь герои проносились въ полѣ бранномъ
Ураганомъ,
Здѣсь внесли изъ вражьей мѣди имъ колонну
Къ небосклону,
А на злато супостата пировали,
Ликовали.

XI.

О, земля! Сомкни объятія и глухою
Пеленою
Скрой и славу, и безславые, и томленья
Преступленья!...
А любовь межъ васильками и доньямъ
Средь пустыни.

Видит око... Картина К. Рейхарта, авт. «Нивы».

Вдова И-чен-тая.

Картинка китайской жизни.

А. С. Клеппера.

По китайскому мѣстечку Хуо-пу разнеслась тревожная вѣсть.

Почтенный И-чен-тай, человекъ еще молодой, но уже весьма уважаемый и не менѣе зажиточный, внезапно заболѣлъ. Тотъ самый И-чен-тай, который отличался цвѣтущимъ здоровьемъ, неожиданно свалился отъ какой-то мучительной боли въ животѣ, при чемъ все его тѣло стало такъ горѣть, какъ не въ мѣру раскаленный канъ, на которомъ въ обычное время онъ такъ мирно почивалъ.

И когда стоны его стали раздаваться не только въ стѣнахъ фанзы, но проникли и во дворъ, всѣ близкіе его исположились, всѣ зашептались, озабоченно закачали головами...

Дворикъ передъ дверьми больного наполнился народомъ, одѣтымъ въ синія курмы; всѣ они присѣдали, почтительно кланялись другъ другу и въ пышныхъ, витеватыхъ выраженіяхъ высказывали свои соображенія, основной смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ:

Почтенный И-чен-тай бездѣтенъ. Положимъ, у него есть маленькая дочка, но она въ счетъ не идетъ; вѣдь даже у Конфуція сказано, что у князя должны рождаться сыновья, которымъ подобаютъ всякія почести и заботы о нихъ, «но можетъ случиться, что у него родятся дочери... ихъ положить спать на землю... онѣ будутъ одѣваться въ лохмотья... играть деревяжками... не будутъ творить ни добра, ни зла, а должны будутъ лишь заботиться о томъ, чтобы не огорчать родителей...»

Попеченіе о могилахъ предковъ, заботы о жертвоприношеніяхъ на алтаряхъ родичей въ маленькой семейной кумирнѣ до сихъ поръ лежали на одномъ И-чен-таѣ, и, если смерть войдетъ въ его домъ и выйдетъ, оставивъ его тѣло бездыханнымъ, кто возьметъ эти заботы на себя?

У него нѣтъ даже брата, который могъ бы взять за себя его жену, чтобы дать роду потомка—блюстителя семейныхъ традицій.

И всѣ качали головами, и на всѣхъ лицахъ была скорбь.

А больной стоналъ и метался. Возлѣ него уже копошился врачъ съ массой пузырьковъ и баночекъ, наполненныхъ снадобьями, приготовленными искусной рукой изъ толченыхъ, предварительно высушенныхъ, летучихъ мышей, молодыхъ оленіихъ роговъ, крови и мяса ящерицы, когтей и желчи тигра и прочихъ чудодѣйственныхъ средствъ.

Мудрый врачъ уже вымазалъ какую-то мазью все тѣло больного, нащипавъ ему переднюю часть шеи, какъ это требуется при головной боли, приставилъ три сухія банки на его лобъ и приготовился дѣлать кровопусканіе.

Больной метался, не находя себѣ мѣста. И только, когда кровь изъ вскрытой вены обильной черной струей вылилась въ подставленный тазъ, обезсиленный и поблѣднѣвшій хозяинъ затихъ и, казалось, успокоился на нѣкоторое время. Положимъ, стоны его скоро возобновились, но уже слабѣе, какъ плачь маленькаго ребенка.

И-чен-тай проболѣлъ недолго. Напрасно его жена Шао-най-най (молодая хозяйка, барыня) дала врачу вырѣзать изъ своей руки кусочекъ мяса для того, чтобы примѣшать его къ лѣкарству мужа—средство чудесное, какъ всѣмъ извѣстно.

Уже на второй день болѣзни пришлось вынести больного въ парадную комнату, предварительно обмывъ его водою изъ ближайшаго колодца, откупленного за нѣсколько монетъ у водяного духа, и одѣвъ его въ праздничныя одежды, какъ подобаетъ богатому купцу, конецъ котораго явно приближается.

Вся семья съ плачемъ окружила умирающаго, лоя его послѣднія слова... Смерть пришла, взяла И-чен-тая и отнесла его къ предкамъ.

Всѣ домашніе одѣлись въ грубые бѣлые халаты, которые не должны быть смѣнены даже одеждой того же цвѣта и качества въ теченіе ста дней.

На женской половинѣ поднялся горькій плачь. Вмѣсто одной вдовы—матери И-чен-тая, тамъ оказалось двѣ: вторая его жена, совсѣмъ молодая женщина съ маленькими ножками и великодушнотой, убранной всевозможными серебряными украшениями, прической...

Изъ ея раскосыхъ глазъ лились искреннія слезы, и эти обильныя горячія слезы застилали ужасъ передъ безотраднымъ будущимъ—ужасъ, который застылъ въ нихъ съ того момента, когда она узнала о болѣзни мужа.

Да, было передъ чѣмъ ужаснуться!

По обычаю, они съ мужемъ были еще дѣтьми, когда ихъ родители обмѣнялись красными карточками, съ изложенными на нихъ условіями брачнаго договора. Въ то время старики были въ большой дружбѣ, но съ тѣхъ поръ пути ихъ круто разошлись: отецъ И-чен-тая разбогатѣлъ, а благосостояніе семьи невѣсты рухнуло... Когда пришло время брака, она была бѣдною дѣвушкой, и новая семья встрѣтила ее враждебно.

Невольно вспоминается Шао-най-най ея медовый мѣсяцъ. Молодую женщину попрекали нищетой, ее заставляли бѣгать то за тѣмъ, то за другимъ часто безъ всякой нужды, и ея маленькія, забинтованныя ноги мучительно ломило отъ ходьбы. Она слѣдила, спотыкалась, теряла равновѣсіе, и за все это слышала бранные окрики, насмѣшки, издѣвательства. Она сносила все съ неизякаемою кротостью, только голова ея низко склонилась подъ непосильнымъ бременемъ. Свекоръ, свекровь, золовка, тетки—всѣ находили въ своихъ сердцахъ что-нибудь злобное, обидное для новой родственницы.

Былъ одинъ человекъ въ семьѣ, не оскорбившій ея ни однимъ словомъ. Этотъ человекъ былъ ея мужъ И-чен-тай. Онъ съ молчаливымъ вниманіемъ приглядывался къ своей подругѣ. Пока еще слово защиты не срывалось съ его мудрыхъ устъ; быть-можетъ, его просвѣщенный умъ пытался постигнуть, достойна ли его жена заступничества. Но кротость, незлобивость, прилежаніе и терпѣніе молодой женщины сорвали печать съ его устъ. И всѣ остальные стихли. Легче стало дышать, ровно и счастливо потекла ея жизнь.

Выпало еще на ея долю очень тяжелое время: она готовилась подарить потомствомъ своего повелителя. Всѣ ждали этого момента—ждали, конечно, рожденія мальчика. Она сама ходила къ гадалщикамъ въ надеждѣ получить желанное предсказаніе, приносила жертвы; наконецъ, разъ на зарѣ передѣлась въ платѣ мужа, обошла трижды колодецъ, заглядывала въ его воду, слѣдя тамъ за своею тѣнью, и, никѣмъ не замѣченная, вернулась на супружескій канъ—это обѣщало ей рожденіе сына; но судьба зло посмѣялась надъ ней: вопреки всѣмъ счастливымъ предсказаніямъ и предзнаменованіямъ, она родила дѣвочку.

Теперь и мужъ взглянулъ на нее сурово. А за его суровымъ взглядомъ на бѣдную мать посыпался градъ упрековъ и обидныхъ словъ... И опять кротость и незлобивость Шао-най-най побѣдили злое начало...

Жунъ-хуо-эръ (душистый цвѣтокъ)—такъ назвала мать свою дѣвочку—росла славнымъ ребеночкомъ. Иногда даже отецъ улыбался забавной крошкѣ въ красной шелковой курмѣ съ красными же лентами въ трехъ черныхъ косичкахъ.

Несмотря на то, что послѣ какой-то долгой и изнурительной болѣзни, посѣтившей молодую женщину черезъ годъ за рожденіемъ дочери, у нея больше не было дѣтей, мужъ не обижалъ ея и не давалъ въ обиду другимъ.

Но смерть пришла и унесла И-чен-тая. Вмѣсто желаннаго сына—наслѣдника и продолжателя рода—осталась маленькая, безпомощная дѣвочка и презрѣнная нищая, все равно что бездѣтная, мать дѣвочки!

Молодая вдова знала, твердо знала это мнѣніе, и недаромъ ужасъ застылъ въ ея заплаканныхъ глазахъ!

Изъ кумирни принесли массивный гробъ, покрытый краснымъ лакомъ.

Какъ человекъ мудрый и благочестивый, И-чен-тай еще при жизни запасся вѣчнымъ покоемъ для своихъ бранныхъ останковъ. Съ плачемъ, съ громкими воплями положили въ гробъ его тѣло, обрѣзки его ногтей и волосъ, необходимую утварь и одежды.

Вскорѣ у гроба появились монахи трехъ вѣроученій: даосъ, хшанъ и лама. Покойный былъ человекъ зажиточный, и такая пышность казалась его родственникамъ неизбѣжной.

Цѣлую недѣлю не поднималась съ полу въ знакъ скорби вдова; она почти не принимала никакой пищи—отчасти съ горя, отчасти потому, что неприлично въ такое тяжелое время готовить что-либо на домашнемъ очагѣ.

А врачъ тѣмъ временемъ приступилъ къ исчисленіямъ и таинственнымъ заклинаніямъ, отыскивая счастливое мѣсто для могилы И-чен-тая.

Наканунъ сорокъ девятого дня по дорогѣ слѣдованія тѣла покойнаго прошли даосы съ музыкой, прогоняя злого духа, а родствен-

ники и знакомые И-чен-тая сошлись передь фанзой принести ему последнее поклонение—котоу.

Всю ночь на дворѣ раздавались звуки гонга, изгонявшие злого духа. У крыльца колыхались украшения на временномъ навѣсѣ, который и былъ съ зарею сожженъ въ жертву предкамъ.

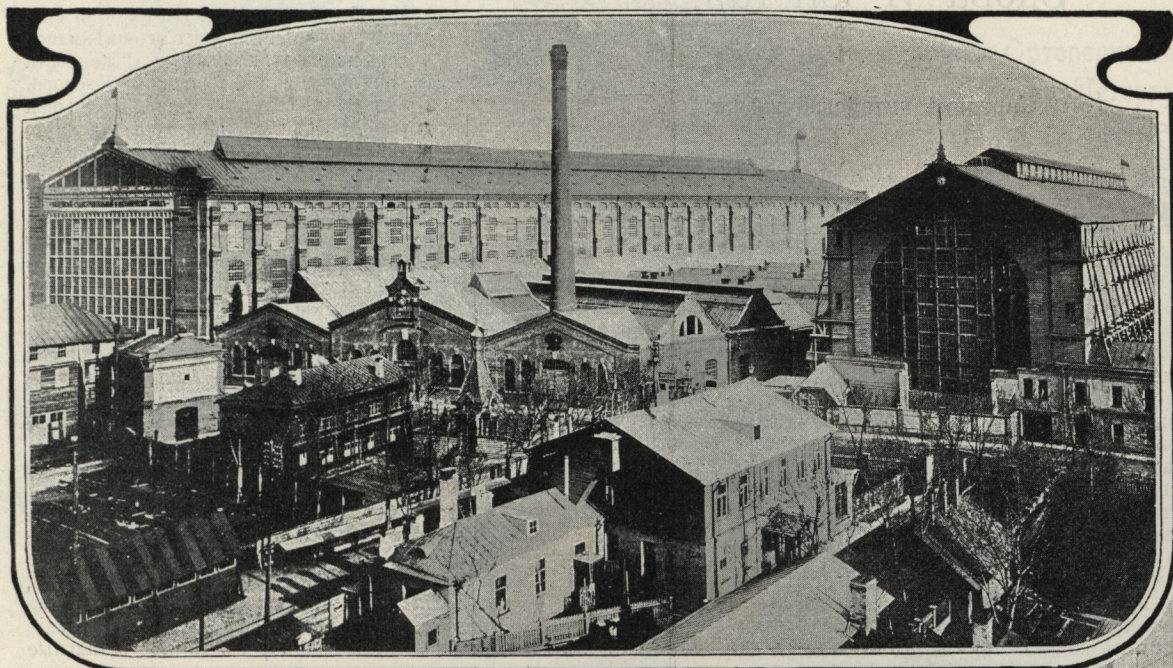
Когда утромъ поднимали тяжелый гробъ и выносили его на великолѣпныя красныя носилки, разукрашенные, какъ подобаетъ богатству и знатности почившаго, всѣ родные съ шумомъ выбѣжали вонъ, боясь, какъ бы духъ И-чен-тая не поразилъ ихъ какимъ-нибудь зломъ.

Одна только молодая вдова осталась неподвижной. Она сидѣла на корточкахъ, какъ того требовало ея печальное положеніе; въ

ней вдругъ сверкнуло сознание, острое какъ ножъ, яркое какъ солнце, что изъ ненавистной, всѣми презираемой она можетъ сразу подняться на недостижимую для простыхъ смертныхъ высоту.

Вѣдь она можетъ пойти за своимъ И-чен-таемъ, можетъ потребовать, чтобы ее умертвили—удушили и положили рядомъ съ супругомъ, и вотъ тогда, еще при жизни ея, предъ нею совершать поклонение—«котоу». А затѣмъ въ честь ея воздвигнуть роскошную, такъ ярко раскрашенную арку «пайлоу», и всякій, кто взглянетъ, будетъ думать, что на ней отразилось и голубое небо, и алая зоря, и ярко-желтое, золотое солнышко...

Все это съ невѣроятной быстротой пронеслось въ воспаленномъ

Общій видъ завода.
Эллинги и контора
завода.

Входныя вѣрты. Рельсовый путь желѣзной дороги, обслуживающей заводъ.

Къ 50-лѣтію Балтійскаго судостроительнаго завода въ Петербургъ. По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

ея глазахъ стоялъ все тотъ же ужасъ, а на лицѣ, похуѣвшемъ и осунувшемся, застыло выраженіе страданія и недоумѣнія.

Эти сорокъ девять дней недешево дались ей; каждый день, каждый часъ, каждую минуту на тысячи ладовъ ей повторяли:

— Несчастливая, презрѣнная, нищая, нерадивая! Ты не сумѣла даже родить мальчика, твоя проклятая дѣвчонка только и умѣетъ хныкать!

— ... Кто же позаботится о могилахъ предковъ? Кто зажжетъ жертвенныя свѣчи передь дощечкой И-чен-тая? Теперь остается только взять и усыновить покойному пріемыша, который могъ бы оплакивать почтеннаго человѣка. А вѣдь это стоить недешево!

Когда, на седьмой день послѣ кончины И-чен-тая, на домашнемъ очагѣ впервые задымился котелъ съ рисомъ, и всѣ близкіе собрались почтить благородную память почившаго, а молодая вдова протянула руку къ боу, свекровь злобно крикнула на нее:

— Да стоишь ли ты горсти рису?

И ударила невѣстку по лицу.

Нищая, мать дѣвчонки!

Бѣдная женщина глубоко чувствовала свою вину, тяжелую, непоправимую; но еще сильнѣе чувствовала она, что нѣтъ уже больше ея повелителя, заступника и покровителя.

Нѣтъ его... А вотъ выносить его гробъ... Прекрасный массивный гробъ... Вотъ уже за косякомъ двери мелькнулъ онъ въ послѣдній разъ, и исчезъ его уголъ. Вдова ринулась за нимъ. Въ

мозгу молодой женщины... Съ крикомъ и скрежеща зубами, она кинулась изъ дому...

На порогѣ ей подъ ноги попалось что-то живое, барахтающееся; она инстинктивно наклонилась, схватила на руки своего горемычнаго ребенка—единственную крѣпкую нить, связывавшую ее съ безпросвѣтной жизнью... Она прижала свою крошку къ изсохшей груди—туда, гдѣ билось изболѣвшее сердце. Но вдругъ съ ожесточеніемъ оттолкнула свою дочь, въ изступленіи, не слыша плача испуганнаго ребенка, кинулась на улицу, опередила пышную процессію, толкая нищихъ, плакальщицъ, музыкантовъ, монаховъ... Она бѣжала, заглушая музыку и шумъ своими дикими, безумными выкриками:

— Убейте, убейте меня! Я хочу лежать рядомъ со своимъ супругомъ, со своимъ мудрымъ, доблестнымъ супругомъ!..

Прошли года. Въ центрѣ Хуо-пу, по указу императора, высоко цѣнишаго доблести своихъ подданныхъ, воздвигнуть великолѣпный «пайлоу».

Остановившаяся передь нимъ, прохожіе почтительно вспоминаютъ добродѣтельную вдову и съ отвращеніемъ отталкиваютъ маленькую, назойливую нищую—грязное, полунагое созданіе, съ большими ногами, въ которомъ, быть-можетъ, одна только мать узнала бы когда-то выхленную, забавную крошку въ красной шелковой курмѣ съ красными ленточками въ трехъ черныхъ косичкахъ...

50-лѣтній юбилей Балтійскаго завода.

(Съ 2 рис. на стр. 570).

14-го августа торжественно отпраздновалъ 50-лѣтіе своего существованія Балтійскій судостроительный заводъ.

Это—одинъ изъ солиднѣйшихъ и крупнѣйшихъ нашихъ заводовъ. Съ его стапелей было спущено въ разное время множество судовъ русскаго военнаго флота. На Балтійскомъ заводѣ строились и снаряжались такіе гиганты, какъ крейсеръ «Громобой» и броненосцы «Князь Суворовъ», «Бородино», «Александръ III» — вся краса и

Заводъ получилъ по случаю своего юбилея множество привѣтственныхъ телеграммъ.

Ортопедическій институтъ въ Петербургѣ.

(Съ 3 рис. на стр. 572).

8 августа освящено великолѣпное зданіе Ортопедическаго института въ Александровскомъ паркѣ, построенное архитекторомъ Мельцеромъ. Зданіе устроено по мысли нынѣ умершаго доктора К. Х. Хорна на Высочайше дарованныя средства, земля же отведена бесплатно городомъ.

Партія ссыльныхъ въ разные мѣста.

Л. Г. Дейчъ (въ шляпѣ), Парвусъ (Гельфандъ) (съ букетомъ, въ свѣтлой рубашкѣ) и учитель Румянцевъ (посрединѣ).

Политическіе ссыльные, отправляемые изъ пересыльной тюрьмы, на Казачьемъ плацу, на Николаевскій вокзалъ для слѣдованія въ ссылку.

Высылаемые изъ Петербурга. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

мощь былого нашего флота, такъ трагически погибшаго при Цусимѣ. Тамъ же построенъ и нынѣ плавающий броненосецъ «Слава» — одинъ изъ лучшихъ современныхъ русскихъ кораблей.

Заводъ въ настоящее время разросся до колоссальныхъ размѣровъ и представляетъ собою настоящій городъ, надъ которымъ величаво возвышается въ самомъ устьѣ Невы огромное зданіе, гдѣ закладывается и создается самый остовъ корабля. Заводъ обнимаетъ собою цѣлый рядъ всевозможныхъ отдѣльныхъ производствъ и даетъ работу тысячамъ рабочихъ.

Юбилейное торжество началось въ 10½ часовъ утра молебномъ, на которомъ присутствовали к.-адм. А. А. Вирениусъ, ген.-лейт. Н. Г. Нозиковъ, предсѣдатель правленія Балтійскаго завода, в.-адм. Р. Р. Диккеръ, одинъ изъ основателей завода, г. Макферсонъ и вся администрація и всѣ служащіе, вмѣстѣ съ начальникомъ завода, г. Вешкурцевымъ, во главѣ.

Послѣ молебна г. Вешкурцевъ прочелъ историческій очеркъ, обрисовывающій дѣятельность завода. Затѣмъ были розданы юбилейные жетоны рабочимъ, и состоялся завтракъ для почетныхъ гостей и служащихъ.

Зданіе выстроено въ три этажа и состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою корпусовъ; въ срединѣ устроена небольшая церковь. Снаружи все зданіе облицовано изразцами.

Расположенное посреди большого двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ, роскошное зданіе института вмѣщаетъ въ себѣ палаты для больныхъ, мастерскія для изготовленія разныхъ аппаратовъ и квартиры для служащихъ. Чистота всюду образцовая, воздуха и свѣта масса.

Большая парадная лѣстница ведетъ во второй этажъ, въ обширную пріемную для больныхъ, откуда они переходятъ въ амбулаторную и перевязочную комнаты, которыхъ нѣсколько; рядомъ дѣлаютъ гипсовые слѣпки; здѣсь же находится рентгеновскій кабинетъ для фотографированія приходящихъ больныхъ. Во второмъ же этажѣ расположены квартиры директора института и ассистентовъ, а также гимнастическая зала со всевозможными приспособленіями для физическаго лѣченія разнаго рода больныхъ: искривленія спины, шейныхъ позвонковъ, сведенія ногъ и рукъ и т. п.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщается стационарное отдѣленіе, рассчитанное на 40 кроватей, но количество ихъ можетъ быть зна-

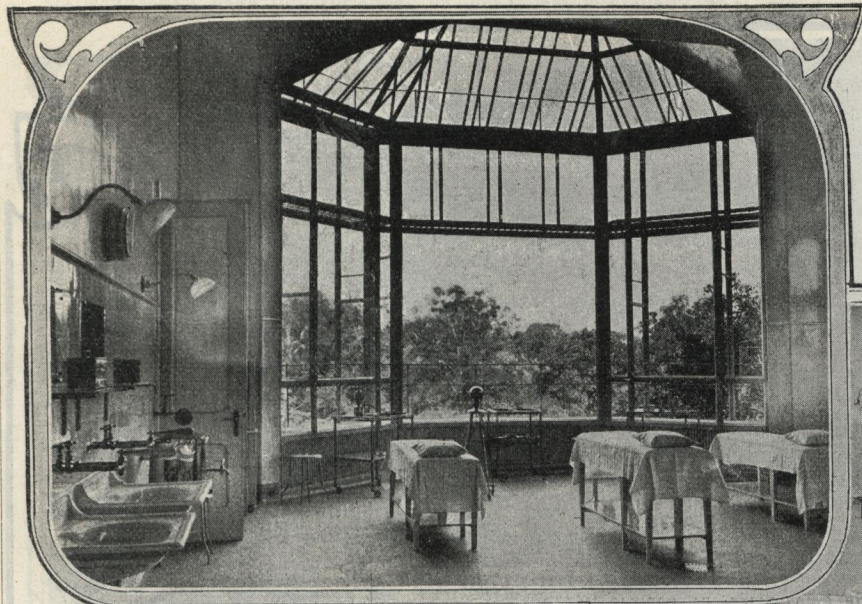
чительно увеличено. Длинный коридор раздѣляется на двѣ части: въ одной помѣщаются платные больные, въ другой—бесплатные, хотя комнаты ничѣмъ не разнятся и имѣютъ совершенно одинаковую обстановку.

По одну сторону коридора идутъ палаты для больныхъ, вмѣщающія каждая отъ 3 до 6 человекъ, а также и отдѣльные комнаты для одного больного, а по другую сторону ванны и служебныя комнаты. Въ этомъ же этажѣ находится общая столовая, куда пища подается подъемной машиной; чтобы она не остывала,

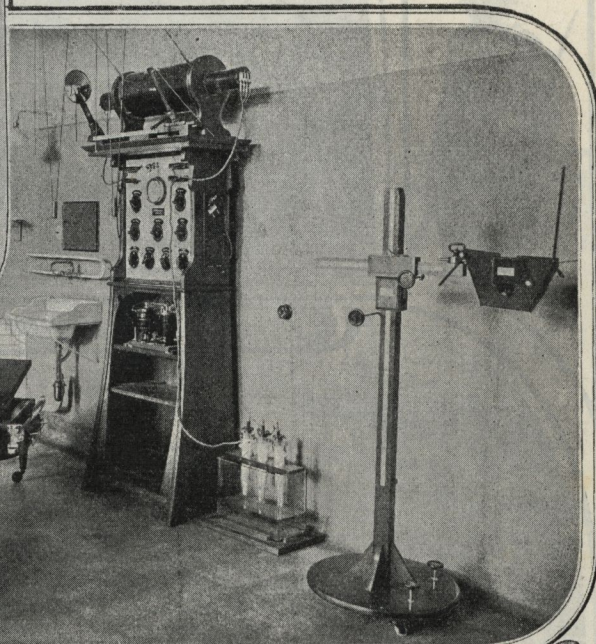
туаръ для сидѣлокъ, столовая для прислуги; вдоль коридора поставлены нумерованные шкапы для храненія платья больныхъ.

Кухня обставлена роскошно: вся посуда никкелевая; аппараты для кипяченія воды, молока, чая—также никкелированные; особая комната для стерилизаціи посуды.

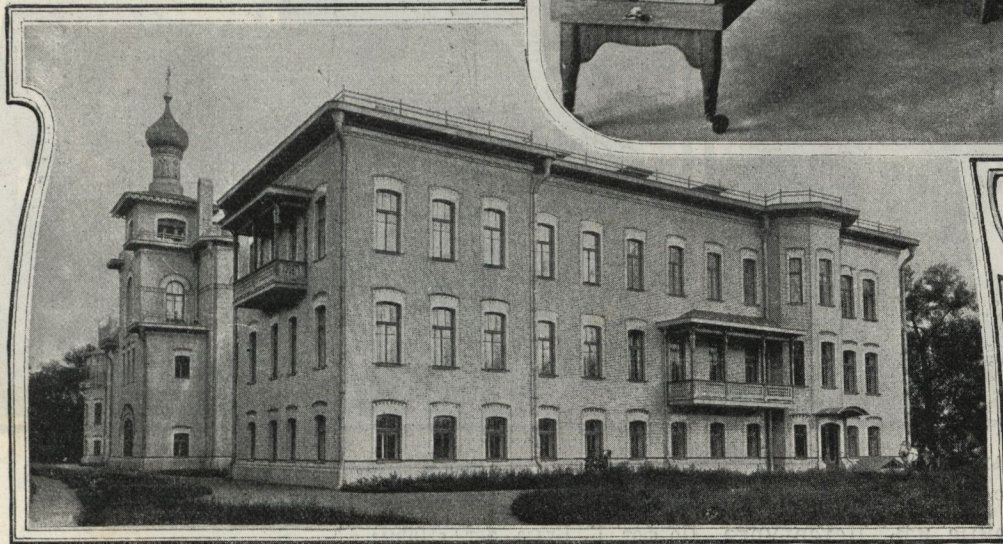
Функционировать институтъ началъ съ 16 августа, и въ этотъ день тамъ было двое пострадавшихъ при взрывѣ на дачѣ у министра внутреннихъ дѣлъ: д-ръ Фехнеръ и курьеръ Михайловъ, а также одинъ мальчикъ.

Большая операционная зала съ окномъ, выходящимъ въ садъ.

Рентгеновскій кабинетъ для изслѣдованія Рентгеновскими лучами. Большая Румкорфова спираль даетъ при разрядѣ искру въ 60 сантиметровъ длиною, могущую убить быка.

Фасадъ зданія Ортопедическаго института въ Александровскомъ паркѣ.

въ коридорахъ второго и третьяго этажа устроены желѣзные шкапы, нагреваемые паромъ, гдѣ кушанья и держатся. Для больныхъ, не могущихъ вставать, сдѣланы подвижные столики къ кроватямъ. Здѣсь же находится общая зала для отдыха и чтенія; а кромѣ того, лѣтѣмъ больные могутъ пользоваться большимъ балкономъ, хорошо меблированнымъ; какъ въ залѣ, такъ и на балконѣ есть маленькая мебель для дѣтей.

Операционная зала устроена такъ, что имѣетъ массу свѣта: во всю его стѣну идетъ большое окно; рядомъ также рентгеновскій кабинетъ.

Какъ въ палатахъ, такъ и въ коридорахъ много умывальниковъ съ зеркалами.

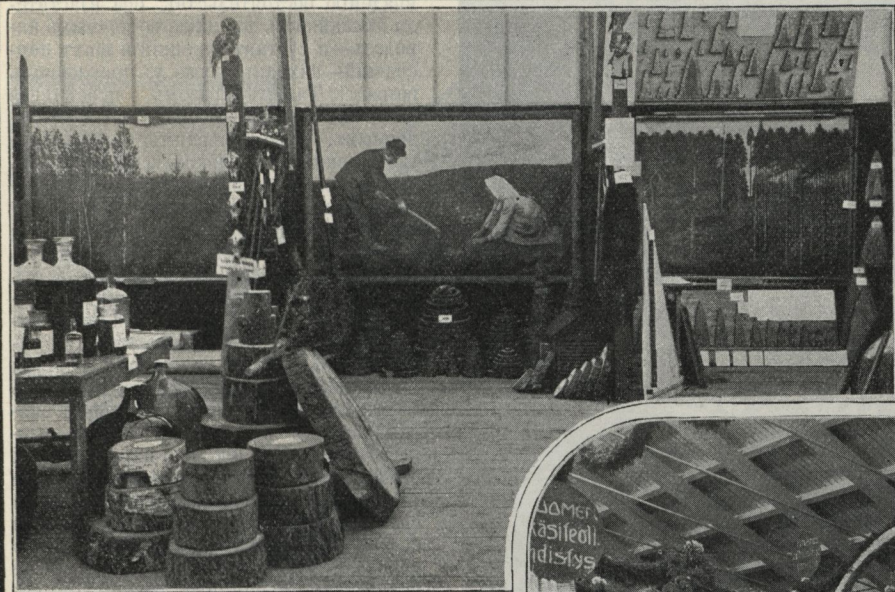
Въ нижнемъ этажѣ помѣщается библіотека, прекрасно устроенныя мастерскія: механическая, кузнечная и швейная, въ которыхъ всѣ машины приводятся въ дѣйствіе электричествомъ; дор-

Директоромъ института въ настоящее время состоитъ приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи Р. Р. Вреденъ, при немъ одинъ старшій ассистентъ и 3 младшихъ, и предполагено 2 консультанта. Принимаются больные, нуждающіеся въ ортопедическомъ лѣченіи всякаго вида: съ врожденными ненормальностями костно-мышечной системы, туберкулезомъ костей, параличами и полученными поврежденіями разныхъ частей тѣла.

Больные принимаются бесплатно и за плату; послѣдняя предполагена въ 30—50 рублей въ мѣсяцъ въ общей палатѣ и въ 80—120 рублей въ отдѣльной комнатѣ. Плата эта будетъ взиматься главнымъ образомъ не на содержаніе института, а на изготовленіе дорогихъ аппаратовъ для бѣдныхъ.

На содержаніе института отпускается изъ государственнаго казначейства около 100.000 рублей ежегодно. Вся постройка съ полнымъ оборудованіемъ обошлась около 1.000.000 рублей.

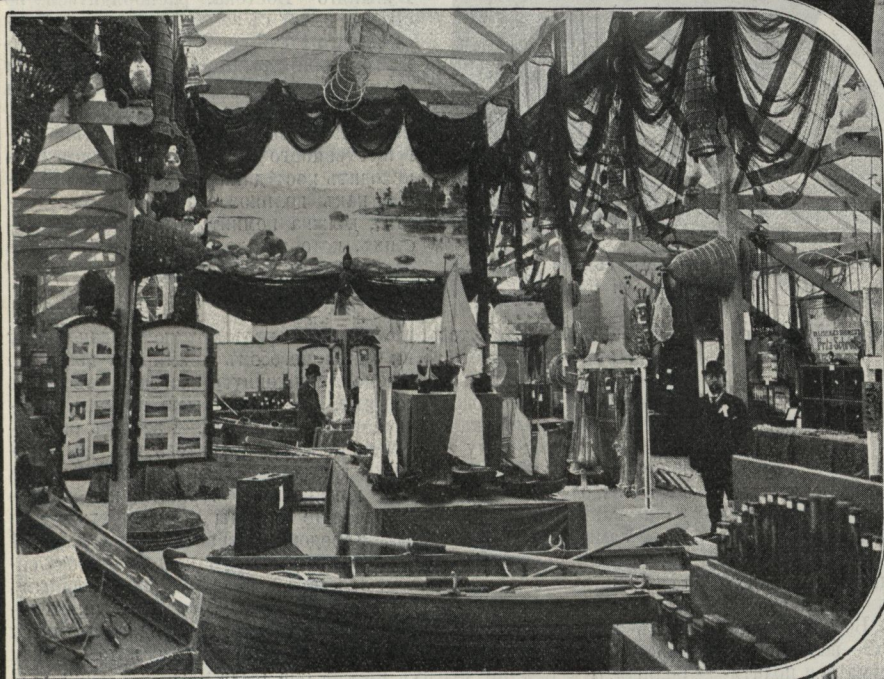
Сельско-Хозяйственная
выставка
въ Куопио
(финляндія).

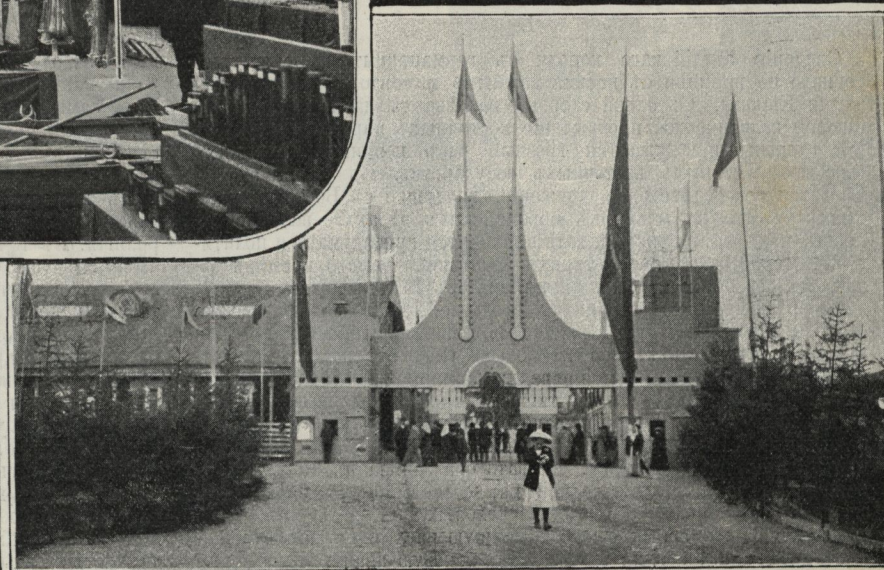
Лѣсной отдѣлъ.

Отдѣлъ рукодѣлій.

Отдѣлъ рыбной ловли.

Главный входъ на Сельско-Хозяйственную выставку.

Будущий германский император (внук императора Вильгельма II) и его августейшие родители: кронпринц прусский Фридрих-Вильгельм с супругой, кронпринцессой Цецилией.

Наслѣдіе „Больного человѣка“.—Религіозная борьба во Франціи.

(Политическое обозрѣніе).

I.

Свиданіе англійскаго короля съ германскимъ императоромъ совпало по времени съ весьма важнымъ моментомъ политической жизни Европы. Съ одной стороны назрѣваетъ давно подготовлявшееся политическое пробужденіе восточныхъ народовъ, а съ другой стороны приближается грозный часъ кончины отжившихъ свое время старыхъ восточныхъ государствъ. Въ какія формы выльется освободительное движеніе, грядущее съ Востока, какъ отразится оно на мѣстныхъ европейскихъ дѣлахъ?—все это вопросы, надъ которыми поневолѣ приходится призадуматься политикамъ. Первое мѣсто среди такихъ политиковъ нашего времени занимаетъ безспорно германскій императоръ Вильгельмъ.

Обозрѣвая результаты его многолѣтней дѣятельности, можно сказать, что онъ сумѣлъ прочно поставить интересы Германіи въ Азіи и въ Африкѣ, но нѣсколько умалилъ ея дипломатическій престижъ въ Европѣ, приведя Германію почти къ изолированному положенію. Центръ тяжести германской политики при императорѣ Вильгельмѣ II значительно передвинулся съ Запада на Востокъ. Несомнѣнно, что Германія стала болѣе одинокой, чѣмъ была при Бисмаркѣ. Но зато она заняла въ высшей степени выгодное положеніе одной изъ естественныхъ наслѣдницъ заживо разлагающагося «Больного человѣка»—т. е. Турціи, какъ разъ именно въ то время, когда ближайшую наслѣдницу послѣдней—Россію невидимая рука толкнула въ роковую авантюру на Дальнемъ Востокѣ.

Иностранная печать рѣшительно утверждаетъ, что на свиданіи императора Вильгельма съ королемъ Эдуардомъ обсуждалась

главнымъ образомъ именно судьба турецкаго наслѣдства. По роковому совпаденію обстоятельствъ, оба властителя ближайшихъ къ намъ восточныхъ народовъ—и султанъ турецкій и шахъ персидскій—находятся уже въ преклонномъ возрастѣ. Такимъ образомъ вопросъ о наслѣдствѣ перестаетъ быть только отвлеченнымъ, академическимъ, но приобретаетъ исполнѣ реальное значеніе. Отъ дружескаго соглашенія двухъ заинтересованныхъ соискателей—Германіи и Англіи—будетъ зависеть многое въ его разрѣшеніи. Англія является вездѣ въ мірѣ участницей всякаго дѣла, а отъ Турціи еще заживо успѣла унаслѣдовать и Кипръ, и Египетъ. Ей ли не наложить руку и на то, что останется послѣ окончательнаго разложенія имперіи Оттомановъ? Согласіе, достигнутое въ этомъ пунктѣ, скрѣпитъ отношенія обихъ державъ въ мощный и неразрывный союзъ. Традиціонно-парламентскій строй англійской жизни нисколько не мѣшаетъ королю Эдуарду принять на себя инициативу въ этомъ исторически безконечно-важномъ дѣлѣ. Это только королева Викторія «царствовала, но не управляла», преемникъ же ея съ самаго своего вступленія на престолъ сразу сумѣлъ выступить въ чрезвычайно активной роли и заключилъ, напр., союзъ съ Японіей, какъ совершенно полноправный глава государства, не спрашивая никакого одобренія парламента. Тѣмъ легче вступить ему въ такой же союзъ съ могущественною Германією. Опираясь на содѣйствіе Австріи, которая, по свѣдѣніямъ газетъ, въ случаѣ смерти султана тотчасъ же займетъ своими войсками Македонію, эти державы могутъ свободно и безбоязненно приступить къ дѣлу Ближняго Востока, распорядиться по своему вкусу съ землями Турціи и Персіи, благо Россія ослаблена манчжурскими пораженіями и своими внутренними смутами, а Франція, Италия и остальные мелкія государства слишкомъ безсильны, чтобы поднять свой голосъ противъ могущественнаго дуумвирата. Сейчасъ происходитъ послѣдній раздѣлъ міра, и Россія, какъ великое славянское государство, должна помнить о тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на ней передъ славянскими народностями.

II.

Французское правительство стоитъ передъ трудной задачей: ему приходится какимъ бы то ни было способомъ примирить широкую свободу всякихъ ассоціацій и неограниченную свободу совѣсти съ самыми суровыми ограниченіями, направленными противъ воинствующаго и политиканствующаго католицизма. Казалось бы, какое дѣло передовому республиканскому правительству до вѣроисповѣдныхъ заботъ свободныхъ гражданъ. Если бы отсталые отъ вѣка захолустные обыватели поклонялись чуркамъ или возродили какіе-нибудь древне-языческіе обряды—тѣмъ хуже для нихъ самихъ, но правителямъ передовой страны и горя мало. И дѣйствительно, французскій законъ, гарантируя полную свободу совѣсти, предоставляетъ широкій просторъ всякимъ вѣроисповѣднымъ чудачествамъ, до поклоненія Астартѣ включительно. Единственнымъ печальнымъ исключеніемъ изъ общаго порядка является для него нѣкогда господствовавшая христіанская католическая религія. Въ теченіе долгихъ вѣковъ она была безраздѣльной владычицей душъ, тираномъ западнаго міра. Теперь она сама попала въ положеніе угнетенной и гонимой. Какъ понять, чѣмъ объяснить такую непоследовательность законодателей Франціи? Представляютъ ли собою нынѣшніе скорбные дни только историческую расплату за Варолюмеевскую ночь, месть прошлымъ вѣкамъ, возмездіе за пережитые ужасы духовнаго деспотизма,—или же они оправдываются какими-нибудь реальными интересами и нуждами государственнаго порядка? Казалось бы, что на родинѣ Вольтера и великихъ скептиковъ XVIII столѣтія для духовнаго освобожденія народа отъ ига католицизма едва ли умѣстны какія-нибудь исключительныя административныя мѣры. Въ идейномъ смыслѣ католицизмъ во Франціи—давно поверженный врагъ, но, повидимому, нынѣшнимъ руководителемъ французской политики онъ продолжаетъ казаться грознымъ, даже будущи поверженнымъ во прахъ. Со времени пресловутаго Комба французскіе радикалы ведутъ ожесточенную борьбу съ историческими мертвецами. Но тѣмъ самымъ не способствуютъ ли они ихъ воскрешенію изъ мертвыхъ?

Приютъ для крестьянскихъ сиротъ въ с. Заборѣ, Суражскаго уѣзда, Черниговской губ.

Питательный пунктъ
въ с. Лабазахъ, Бу-
зулукскаго уѣзда, на
80 человекъ.

Питательный пунктъ
въ селѣ Ромашкинѣ,
Бузулукскаго уѣзда,
на 900 ѣдоковъ.

Помощь народу хлѣбомъ и кровомъ.

Борьба съ клерикализмомъ даетъ дешевые лавры государствен- нымъ дѣятелямъ, но очень сомнительные плоды для государства. Терновые вѣнки, воздѣваемые буржуазно-свободолюбивыми пра- вителями на мирныхъ капуциновъ и епископовъ, возрождаютъ въ темныхъ массахъ народа умершей авторитетъ послѣднихъ. Для того, чтобы сломить силу ихъ вліянія надъ фанатичнымъ народомъ, достаточно одной только свободы просвѣщенія. Всякая попытка насилія, напротивъ, укрѣпляетъ то, что хочетъ разрушить. Прави- тельству казалось опаснымъ вліяніе духовенства, несмѣтныхъ бо- гатства разныхъ монашескихъ орденовъ,—и вотъ оно пошло на открытый разрывъ съ Римомъ, проведя законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

Сама по себѣ идея этого раздѣленія глубоко справедлива. Оно въ высшей степени желательно и церкви и государству, какъ окончательное раздѣленіе по заповѣту Христа: «Божіе Богови и ке- сарево—кесарю». Но при осуществленіи его на практикѣ по- лучились очень неприятныя подробности въ видѣ вынесенія изъ зала суда Распятія въ той странѣ, католическое население которой привыкло принимать клятву передъ Распятіемъ, насильственной опи- сии церковнаго инвентаря, показавшейся многимъ вѣрующимъ кощунственнымъ издѣвательствомъ надъ святынями, и закрытія множества школъ и больницъ, содержимыхъ орденами, не поже- лавшими подчиниться закону объ ассоціаціяхъ и легализировать свое существованіе полицейскимъ разрѣшеніемъ. Къ величайшему несчастію для Франціи и католицизма, папа Пій X сталъ въ своей энцикликѣ именно на сторону непокорныхъ и неприми- римыхъ протестантовъ изъ духовенства. Тамъ, гдѣ путемъ мягкаго, воистину христіанскаго долготерпѣнія можно было добиться мира и безкровной побѣды, онъ объявилъ войну и обрекъ руководимую имъ церковь на весьма возможные пораженія. Этимъ самымъ онъ поставилъ католицизмъ во Франціи внѣ гражданскаго фран- цузскаго закона. Авторитетъ непогрѣшимаго папы святъ въ гла- захъ милліоновъ вѣрующихъ. Франція будетъ обречена или на неизбежныя внутреннія гражданско-религіозныя смуты, или же на утрату вѣры въ непогрѣшимость святаго отца. Первымъ и не- посредственнымъ результатомъ энциклики явится то, что послѣ 11 сентября 1906 года, когда истекаетъ срокъ легализаціи религіоз- ныхъ ассоціацій, должны начаться затрудненія съ отправленіемъ богослуженія, что неизбежно вызоветъ столкновенія и репрессіи. Вторымъ послѣдствіемъ будетъ то, что выслужившіе свой срокъ свя- щенники останутся безъ пенсій. Затѣмъ, такъ какъ вѣрующіе не будутъ представлять собою признанныхъ государствомъ и заре- гистрованныхъ организацій, то всякіе религіозные обряды, требы и даже самое преподаваніе закона Божія по буквѣ новаго за- кона должны преслѣдоваться судомъ, какъ уголовное преступле- ніе, а церковныя зданія и имущества перейдутъ въ собствен- ность коммуны, независимо отъ вѣроисповѣданія членовъ послѣд- нихъ, хотя бы даже всѣ они были сплошь самими отъявленными атеистами.

Такимъ образомъ ошибки и крайности обѣихъ сторонъ привели вѣрующихъ французовъ въ какой-то тупикъ, изъ котораго пока не видно выхода. Во многихъ мѣстностяхъ добрые католики пы- тались покориться новому глубоко-обидному закону, устраивая официально разрѣшенныя религіозныя ассоціаціи, но энциклика папы не даетъ хода и благословенія такимъ попыткамъ. Фана- тичнымъ католикамъ оскорбительнъ полицейскій контроль въ дѣ- лахъ вѣры и утрата главенствующаго положенія католической религіи, но нельзя забывать, что и по отмигнутому палатой на- полеоновскому конкордату церковь, получающая мзду отъ прави- тельства, далеко не была свободна отъ послѣдняго. Священникъ, превращенный въ чиновника на казенномъ иждивеніи, былъ вы- нужденъ поддерживать власть. Епископы и кардиналы назнача- лись папой только по представленію свѣтскаго начальства. Епи- скопы были лишены права корпоративныхъ собраній и постано- вленій, т. е. свободы и независимости въ руководствѣ своей паствы. Теперь эта свобода имъ возвращается, хотя и подъ усло- віемъ строгаго полицейскаго надзора и регламента. Они должны были бы сами привѣтствовать отдѣленіе церкви отъ государства и бороться только противъ подчиненія церкви государству. Такая политика, вѣроятно, повела бы къ возстановленію католицизма во Франціи. Весьма возможно, что она въ концѣ концовъ и будетъ принята французскимъ епископатомъ, если же не удостоится благословенія папы, то поведетъ къ образованію французской на- ціональной церкви, независимой отъ Рима.

Помощь народу хлѣбомъ и кровомъ.

(Съ 3 рис. на стр. 575).

Тяжелое время переживаетъ теперь наша родина. Не говоря уже о политическомъ ея положеніи, объ упадкѣ торговли и про- мышленности, находящейся въ застоѣ, нужно еще считаться съ неутоляемъ хлѣбомъ, который угрожаетъ настоящимъ бѣдствіемъ на-

шему отечеству. Многія изъ губерній пострадали вслѣдствіе недорода еще и въ прошломъ году; не ожидается урожая и въ нынѣшнемъ.

Въ минувшемъ 1905 году въ пяти уѣздахъ Самарской губерніи: Новоузенскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ, Самарскомъ и Ста- вропольскомъ опредѣлился крупный неурожай хлѣба и травъ. Къ веснѣ 1906 года нужда во многихъ селеніяхъ настолько обостри- лась, что уже въ мартѣ явилась потребность устройства въ нѣко- торыхъ селеніяхъ Николаевскаго и Бузулукскаго уѣздовъ питатель- ныхъ пунктовъ для дѣтей, женщинъ и неспособныхъ къ труду лицъ.

Но и другіе уѣзды съ трудомъ могли обходиться безъ питательныхъ пунктовъ и въ концѣ концовъ принуждены были также ихъ устроить. Голодъ былъ немалый, нужда среди населенія увеличивалась, въ особенности требовалось подкармливать дѣтей.

Въ большихъ селеніяхъ на каждомъ изъ пунктовъ питалось до тысячи человѣкъ.

Въ селѣ Андросовкѣ было устроено двѣ столовыхъ съ 950-ю ѣдоками, въ Рамоненскомъ—900 человѣкъ питалось въ 9 столо- выхъ, въ Лаврентьевѣ—450 человѣкъ.

Исполнительная коммисія Главнаго Управленія Общества Крас- наго Креста отпустила на питательные пункты 16.520 рублей, и эта сумма дала возможность содержать 25 пунктовъ въ Николаев- скомъ уѣздѣ и 11—въ Бузулукскомъ.

Всего питалось на нихъ до 8.000 человѣкъ. Жестокія испыта- нія минувшаго года не миновали и теперь. Въ тѣхъ же пяти уѣз- дахъ оказался полный неурожай и нынѣшній годъ; да и во всей губерніи недородъ хлѣбовъ не малый.

Многіе изъ питательныхъ пунктовъ къ первому августа оказа- лись закрытыми, между тѣмъ какъ существенная потребность въ нихъ дѣлается все ощутительнѣе. Нѣсколько пунктовъ, устроен- ныхъ на средства комитета Попечительства о трудовой помощи, поддерживаютъ питаніе дѣтей, но взрослые, женщины, старики и неспособные къ труду, буквально голодаютъ. Нужда вопиющая, требующая немедленной помощи!

Вмѣстѣ съ снимками, изображающими питательные пункты, со- зданные общественной благотворительностью, мы помѣщаемъ снѣ- мокъ съ пріюта для крестьянскихъ дѣтей—яркій примѣръ резуль- тата во-время принесенной общественной помощи, которая дала возможность устроить этотъ пріютъ для крестьянскихъ сиротъ.

1 ноября 1903 года въ селѣ Заборьѣ, Суражскаго уѣзда, Чер- ниговской губерніи, былъ открытъ пріютъ для крестьянскихъ си- ротъ имени Наслѣдника Цесаревича. Онъ устроенъ на частныя пожертвованія и на пособія отъ земства и крестьянъ трехъ волостей, обложившихъ себя сборомъ по 1/2 копейки съ десятины земли.

Въ пріютѣ воспитываются на полномъ содержаніи двадцать си- ротъ: мальчиковъ и дѣвочекъ. Они посѣщаютъ земскую школу и обучаются сапожному ремеслу; лѣтомъ они отправляются на по- левыя работы въ болѣе зажиточныя крестьянскія семьи. По до- стиженіи 16-ти лѣтъ, мальчиковъ предложено отдавать въ зем- скую кузнечно-слесарную мастерскую.

Положеніе пріюта годъ отъ года упрочивается; онъ имѣетъ те- перь уже свой собственный домъ со службами, при немъ садъ и огородъ; запасный капиталъ пріюта достигаетъ уже 2-хъ ты- сячъ рублей.

СМѢСЬ

Стадо барановъ.— На художественной выставкѣ бельгій- скому королю Леопольду почему-то бросилась въ глаза небольшая картина, представлявшая стадо барановъ въ полѣ, при закатѣ солнца. Монархъ пригласилъ къ себѣ художника, которому и изъ- явилъ свое желаніе приобрести картину. Когда вопросъ коснулся цѣны, художникъ сказалъ: «Я бы попросилъ ваше величество за- платить мнѣ за моихъ барановъ по цѣнѣ стоимости ихъ мяса, то- есть по 50 франковъ съ головы».

Король, мелькомъ взглянувъ на холстъ, мысленно разсчиталъ, что тамъ всего 10—12 барановъ, слѣдовательно на 500—600 франковъ, и намелъ, что это будетъ даже очень недорого за такую хорошень- кую картину.

Черезъ три дня «Стадо барановъ» было доставлено во дворецъ самимъ художникомъ. Король тщательно сосчиталъ животныхъ и по- далъ художнику за 12 головъ 600 франковъ. Однако послѣдній ука- залъ монарху на кучу маленькихъ бѣлыхъ пятнышекъ на заднемъ планѣ картины и серьезно замѣтилъ: «Ваше величество, вѣроятно, не изволили сосчитать барановъ на заднемъ планѣ. Ихъ тамъ по крайней мѣрѣ 300».

— Но развѣ это не пылъ?—спросилъ удивленный король.

— Нѣтъ, ваше величество, это все—бараны.

— И вы за это ручаетесь?

— Честнымъ словомъ, ваше величество.

Послѣ этого бельгійскій король, не моргнувъ глазомъ, заплатилъ за картину 15.600 франковъ, хотя она, въ сущности, была бы въ избытокъ оплачена и 1.000 франковъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Министръ народнаго просвѣщенія. (Изъ записной книжки). А. Круглова. (Окончаніе).— Любовь. (Изъ Роберта Браунинга). Ортопедическій институтъ въ Петербургѣ.—Наслѣдіе «Большого человѣка». Религіозна борьба во Франціи. Политическое обозрѣніе.—Помощь народу хлѣбомъ и кро- вомъ.—Смѣсь.—Объявленія.

РИСУНКИ: Именины дѣда.—Пора домой.—Гроза идетъ.—Торжество побѣдителей.—Къ 50-лѣтію Балтійскаго судостроительнаго завода въ Петербургѣ (2 ри- сунка).—Высылаемые изъ Петербурга (3 рисунка).—Новый Ортопедическій институтъ въ Петербургѣ (3 рисунка).—Сельско-Хозяйственная выставка въ Куопіо (Фин- ляндія) (4 рисунка).—Будущій германскій императоръ (внукъ императора Вильгельма II) и его августѣйшіе родители: кронпринцъ прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ съ супругой, кронпринцессой Цециліей.—Помощь народу хлѣбомъ и кровомъ (3 рисунка).

Къ этому № прилагается: «Полное собраніе сочиненій Н. М. Станюковича» книга 7.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

